

УСАДЬБА КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА И И.А. БУНИНА

Агратин Андрей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Аннотация. Статья посвящена проблеме мнемонической репрезентации усадьбы в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина. На исходе XIX в. традиционный усадебный образ жизни постепенно дезактуализировался и стал восприниматься сквозь призму памяти – её возможности и ограничения по-разному интерпретируются писателями. Среди чеховских текстов рассмотрены рассказы «В родном углу», «У знакомых», «Верочка», «Дом с мезонином», «Ариадна», «Крыжовник», «Невеста», «В усадьбе», комедия «Вишневый сад». Согласно терминологии, предложенной М.В. Строгановым, в «усадебных» произведениях писателя различаются герои-автохтоны (коренные обитатели усадьбы) и транзитные персонажи (они оказываются в усадьбе проездом). Автохтону свойственны воспроизведение знакомых социальных практик (автоматическая память) и в то же время болезненная ностальгия; транзитный герой идеализирует усадьбу, но быстро отказывается от своих фантазий, сопоставляя их с реальностью, без труда забывает усадебное прошлое. Напряженное противостояние указанных типов не свойственно бунинским произведениям («Несрочная весна», «Жизнь Арсеньева», «Странствия», «Суходол»). Здесь субъект воспоминания – странник поневоле, автохтон, у которого в новых исторических условиях нет шанса на возвращение. Если память может запутать чеховского героя, стать источником иллюзий и заблуждений, то для бунинского персонажа она выступает своеобразной «точкой опоры» (П. Нора) в неостановимом течении истории. Бунин пересекает исторический рубеж, после которого мнемоническая привязанность к усадьбе мыслится не только безопасной, но и спасительной. В прозе Чехова она столь же ненадежна, как и прогностический взгляд в неопределенное «постусадебное» будущее.

Ключевые слова: А.П. Чехов, И.А. Бунин, усадьба, усадебный текст, усадебный топос, память, пространство памяти

Для цитирования: Агратин А.Е. Усадьба как пространство памяти в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 33–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-33-40>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

THE ESTATE AS A SPACE OF MEMORY IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV AND I.A. BUNIN

Andrey E. Agratin, PhD in Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Abstract. This article examines the problem of the mnemonic representation of the estate in the works of A.P. Chekhov and I.A. Bunin. By the late 19th century, the estate lifestyle gradually lost its contemporary relevance and came to be perceived through the prism of memory – its possibilities and limitations interpreted differently by the two writers. Among Chekhov's texts analyzed are the stories "In the Home District", "A Visit with Friends", "Verochka", "The House with the Mezzanine", "Ariadne", "Gooseberries", "The Bride", "At the Manor", and the comedy "The Cherry Orchard". Employing the terminology proposed by M.V. Stroganov, Chekhov's "estate" works distinguish between autochthonous characters (native inhabitants of the estate) and transient characters (those visiting the estate in passing). Autochthons are characterized by the reproduction of familiar social practices (automatic memory) coupled with painful nostalgia. Transient characters idealize the estate but swiftly abandon their fantasies when confronted with reality, readily forgetting the estate past. This tense opposition between

character types is absent in Bunin's works ("Late Spring", "The Life of Arseniev", "Wanderings", "Dry Valley"). Here, the subject of memory is an involuntary wanderer – an autochthon who, under new historical conditions, has no prospect of return. Whereas memory can confound Chekhov's characters, becoming a source of illusions and delusions, for Bunin's characters it functions as a kind of "anchor point" (P. Nora) within the relentless flow of history. Bunin crosses a historical threshold beyond which mnemonic attachment to the estate is conceived not only as safe but as redemptive. In Chekhov's prose, this attachment proves as unreliable as a predictive gaze into an uncertain "post-estate" future.

Keywords: A.P. Chekhov, I.A. Bunin, estate, estate text, estate topos, memory, space of memory.

For citation: Agratin A.E. The Estate as a Space of Memory in the Works of A.P. Chekhov and I.A. Bunin. Vestnik of Kostroma State University. 2025, vol. 31, no. 3, pp. 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-33-40>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

А.П. Чехов и И.А. Бунин неоднократно оказывались в фокусе сравнительного изучения (см.: [Гейдеко], [Атаманова], [Лакшин], [Полоцкая]). В основном исследователи описывают биографические и творческие связи между писателями, выявляют чеховские реминисценции в бунинской прозе, а также стремятся сблизить художественные стратегии авторов. Если первые две задачи решаются достаточно успешно, то последняя довольно быстро заводит ученых в тупик: литературоведческий анализ показывает, что различия поэтик Чехова и Бунина количественно и качественно превышают сходства. (см.: [Кулабухова, Кулабухов: 158–159]).

Вместе с тем нельзя отрицать того очевидно-го факта, что, будучи представителями одной эпохи, писатели в своем творчестве обращались к общим темам. Одна из таких тем – русская усадьба. Не случайно *усадебный тоpos* [Богданова: 91–92] широко рассматривается исследователями на материале как чеховских (см.: [Жаглова, Куцуева], [Пырклов], [Догито], [Ермакова], [Синякова]), так и бунинских произведений (обзор работ см. в: [Пращерук]).

Но и здесь, даже без глубокого знакомства с текстами классиков, прослеживается разница в восприятии ими усадебного мира. По справедливому утверждению Е.А. Жильцовой, «Бунин считал себя знатоком дворянского быта» [88]. При этом писатель заявляет, что Чехов совершенно не знал «жизни в помещичьих усадьбах» [Бунин 1955: 17–18]. В «Автобиографических заметках» Бунин упрекает Чехова-драматурга в недостоверности, а возможно, в намеренном искажении исторических реалий: «<...> нигде не было в России садов сплошь вишневых: в помещичьих садах бывали только части садов, <...> где росли вишни» [Бунин 1975: 93]. Чехов намного свободнее, чем его более молодой современник, обращается с усадебным наследием, вероятно не испытывая перед ним столь же сильного трепета.

Что же объединяет писателей в их отношении к усадьбе, помимо самого факта ее тематизации в творчестве? На исходе XIX в. усадебная культура претерпела необратимые изменения: дворянско-помещичий образ существования постепенно дезактуа-

лизировался и оказался опосредован мнемоническим опытом – косвенным подтверждением этого процесса выступают произведения обоих авторов.

А.А. Журавлева, говоря о чеховском творчестве, отмечает: «<...> разнообразные феномены памяти присутствуют в подавляющем большинстве прозаических и драматических произведений писателя» [Журавлева: 3]. Ю.В. Мальцев считает, что «центральное место в бунинском мире приобретает память» [Мальцев: 12]. Е.Р. Пономарев пишет о «поэтике Памяти» как основной черте «зрелого и позднего Бунина» [Пономарев: 185]. При этом произведения Чехова и Бунина в обозначенной плоскости пока не сопоставлялись.

Усадьба как пространство памяти – это, строго говоря, не реальное место, а воображаемый конструкт, создаваемый имажинативными усилиями «мнемонического субъекта» [Лакшманн: 12]. Для его характеристики воспользуемся типологией усадебных персонажей, разработанной М.В. Строгановым с целью анализа драматических произведений Чехова (далее мы увидим, что она приложима и к прозе): «Первую группу составляют так называемые автохтоны, коренные жители усадьбы; во всяком случае они показаны как живущие здесь еще до приезда людей, составляющих вторую группу, которые посещают усадьбу как бы транзитом, например из Парижа в Москву или из Петербурга обратно в Петербург» [Строганов: 222]. Герои-автохтоны и транзитные герои различаются по их пространственному отношению к усадьбе. Однако они позиционируют себя относительно усадебного прошлого также и во времени.

Для автохтона не существует дистанции между прошлым и настоящим. Он воспроизводит порядок прежней усадебной жизни и таким образом порождает иллюзию отсутствия темпорального разрыва. Дедушка Веры, один из персонажей рассказа «В родном углу» (1897), не в состоянии избавиться от барского нрава: «<...> вдруг лицо у него багровело, шея надувалась, он со злобой глядел на прислугу и спрашивал, стуча палкой: / – Почему хрену не подали? [Чехов 9: 317]. Татьяна, обитательница разоренных Кузьминок из произведения «У знакомых» (1898), заявляет: «<...> без Кузьминок я не могу! Я здесь родилась, это

мое гнездо» [Чехов 10: 11]. Прошло десять лет, с тех пор как Подгорин виделся с героиней последний раз, но ее поведение и взгляды существенно не изменились: когда-то Таня «ни о чем не думала, кроме любви, <...> и ожидала жениха, который грезился ей дни и ночи. И теперь, когда ей было уже более тридцати лет <...> она думала только о муже и о своих двух девочках» [Чехов 10: 10].

Автохтон пользуется «памятью-привычкой, телесной, моторной памятью» [Малкина: 10], которая, по А. Бергсону, проявляется в «двигательных механизмах» [Бергсон: 565]. Согласно пояснению В.Я. Малкиной, «такая память преобразует [разыгрывает] воспоминания в виде полезных действий или движений, часто бессознательно, автоматически» [Малкина: 10].

Транзитный герой, очутившись в усадьбе, не переживает ничего подобного. Прошлое от него дистанцировано и способно вызвать только идиллические фантазии, в условности которых он рано или поздно отдает себе отчет. Проиллюстрируем нашу мысль примерами из цитированных ранее рассказов. Вера охвачена грезами, переносящими ее в детство: она «вспомнила, что когда-то к этому оврагу ходили по вечерам гулять; значит, уже усадьба близко! <...> Вот тетя Даша идет навстречу и машет платком; дедушка на террасе. Боже, какая радость!» [Чехов 9: 314]. Спустя некоторое время героиня впадает в отчаяние от мысли, что свой жизненный путь она проходит «только для того, чтобы в конце концов поселиться в глухой степной усадьбе» [Чехов 9: 316]. Подгорин «любил их (Кузьминки. – А. А.) очень, но больше, кажется, любил в своих воспоминаниях, чем так» [Чехов 10: 7]. Даже чтение стихов Некрасова на пару с Варей лишь на короткое мгновение возвращает героя в дни усадебной юности [Чехов 10: 13]. Очень скоро персонаж с досадой замечает, как сейчас его подруга «непохожа на Варю-курсистку, рыжую, веселую, шумную, смелую» [Чехов 10: 15].

Автохтон не обязательно пребывает в усадьбе постоянно, однако в период отъезда она становится местом, куда он жаждет вернуться (транзитным герой в этом случае оказывается относительно какой-то другой локации). Иными словами, находясь за пределами усадьбы, персонаж испытывает непреодолимую ностальгию. Шамохин из рассказа «Ариадна» (1895) всюду следует за возлюбленной. Курорт в Аббации представляется ему псевдораем, словно противопоставленным усадебному Эдему, который он вынужден беспрестанно покидать: «Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами; отсюда видны и Фиуме, и далекие острова, <...> это было бы картинно, если бы вид на бухту не загораживали отели и их *dépendance*’ы нелепой мещанской архитектуры <...> большею частью вы ничего не видите в раю, кроме окон, террас и пло-

щадок с белыми столиками и черными лакейскими фраками» [Чехов 9: 119]. «Я рассчитывал увезти ее в деревню» – сокрушенно признается своему слушателю герой, рассказывая об Ариадне. «Мне бы теперь в деревню!» – с тоской восклицает он в финале рассказа [Чехов 9: 130].

В некоторых случаях ностальгия приобретает инертный характер, продолжая заменять персонажу реальность, когда он уже вернулся в усадьбу. Чеховский герой оказывается «ложным» автохтоном. Раневская в пьесе «Вишневый сад» (1903) с радостью и благоговением вспоминает усадебное детство: «О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости.*) Весь, весь белый! О, сад мой!» [Чехов 13: 210]. Но сохранение дома и сада не входит в планы героини, ей как будто достаточно воспоминаний. Образы прошлого, переполняющие воображение Любви Андреевны, материализуются, словно подменяя реальность: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (*Смеется от радости.*) Это она» [Чехов 13: 210]. Характерно, что в финале комедии Раневская решает вновь отправиться в Париж – фактически усадьба превращается для нее в транзитный пункт [Строганов: 223].

Наконец, ностальгия чеховского героя может быть симулятивной. Персонаж присваивает себе автохтонный статус, «скучает» по усадьбе, хотя никак с ней не связан. Таков Николай Иванович в рассказе «Крыжовник» (1898). Тягу брата к усадебной жизни рассказчик объясняет его детскими впечатлениями: «Мы, все равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу, и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, <...> тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казенной палате» [Чехов 10: 58]. При этом классовых причин стать частью усадебного мира у Чимши-Гималайского нет: «<...> дед наш был мужик, а отец – солдат» [Чехов 10: 61], – подчеркивает Иван Иванович. Купив, наконец, сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком» [Чехов 10: 60], бывший чиновник начинает вести себя так, словно он всегда был дворянином и буквально *вернулся* в свои законные владения: «Он раз двадцать повторил: “мы, дворяне”, “я, как дворянин” <...> Даже наша фамилия Чимша-Гималайский, в сущности неособразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной» [Чехов 10: 61].

Если автохтон проявляет порой не вполне здоровую зависимость от усадебного локуса, хочет во что бы то ни стало туда возвратиться, совершив

не только пространственный, но и временной скачок, как бы переместившись в прошлое, то транзитный герой быстро забывает усадьбу. Чем дальше от нее он будет находиться, тем скорее она сотрется из его памяти.

Повествование в произведении «Верочка» (1887) открывается отсылкой к мнемонической деятельности героя: «Иван Алексеевич Огнев помнит, как в тот августовский вечер он со звоном отворил стеклянную дверь и вышел на террасу» [Чехов 6: 32]. Получается, что рассказываемая история берет свое начало за пределами усадьбы, и читатель ретроспективно, вместе с персонажем, погружается в воспоминание о прошедших событиях. Живя у Кузнецовых, гость из Петербурга уподобляется автохтонам, перенимает присущий им мнемонический автоматизм: «Иван Алексеич привык, как к родным, к старику, к его дочери, к прислуге, изучил до тонкостей весь дом, уютную террасу, изгибы аллей, силуэты деревьев над кухней и баней» [Чехов 6: 70]. В то же самое время Огневу совершенно ясно, что вскоре от людей, с которыми он общался, мест, вдохновивших его, не останется «ничего больше, кроме ничтожных следов памяти» [Чехов 6: 70]. Признание Верочки в любви к герою вовсе не удерживает его в имении старика Кузнецова. Вопреки собственным ожиданиям, он испытывает неловкость и понимает, что, как бы ему этого не хотелось, он «не находит в своей душе даже искорки» взаимного чувства [Чехов 6: 78]. Накануне отъезда «Иван Алексеич опустил на постель и долго-долго глядел на огонь, *потом встряхнул головой* и стал укладываться» (курсив наш. – А. А.) [Чехов 6: 81]. Выделенная курсивом деталь – жест забывания, которому неизбежно подверглась и Верочка, и призрачная усадебная идиллия, навсегда оставленная в прошлом. Не случайно в начале рассказа Чехов подмечает, что «легкая крылатка и широкополая соломенная шляпа», в которых Огнев разгуливал по террасе дома в тот самый злосчастный день, «вместе с ботфортами валяется теперь в пыли под кроватью» [Чехов 6: 69].

«Дом с мезонином» (1896) композиционно напоминает «Верочку». Перед нами тоже воспоминание транзитного героя, покинувшего усадьбу. История взаимоотношений с Лидой и Мисюсь подлежит исчезновению в закоулках памяти: «Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка <...> припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью <...>» [Чехов 9: 191]. Интересно, что пространство усадьбы в изображении рассказчика окутано тенью – подчеркивается его иллюзорность, грезоподобность: «Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени <...> прошлогодняя

листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени» [Чехов 9: 174]; «В окнах мезонина, в котором жила Мисюсь, блеснул яркий свет, потом покойный зеленый – это лампу накрыли абажуром. Задвигались тени...» [Чехов 9: 189]. Как будто уже тогда, в момент нахождения художника в усадьбе, она намекает ему на свой скорый переход в область забвения.

Добавим, что «мнемонический субъект» у Чехова способен к радикальному изменению статуса. Автохтон может стать транзитным героем. Настя из произведения «Невеста» (1903), которая «с 16 лет <...> страстно мечтала о замужестве» и, казалось бы, обречена на поддержание «родового гнезда» вместе с Андреем Андреевичем, решает бросить все и уехать, отчетливо понимая, что «всё прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело и пепел разнесся по ветру» [Чехов 10: 219–220]. Допустим и обратный процесс превращения транзитного героя в автохтона. Вера, героиня рассказа «В родном углу», с ужасом осознает, что повторила деспотический окрик бабушки в адрес прислуги: «Вон! Розог! Бейте ее!» [Чехов 10: 323]. Память-привычка усваивается персонажем, который прежде сторонился чуждых ему поведенческих тактик.

Напряженное противостояние рассмотренных типов не свойственно бунинским произведениям. Здесь субъект воспоминания – даже не транзитный персонаж, несмотря на свою оторванность от усадебной среды, все-таки не лишенный дома, а странник поневоле – автохтон, у которого в новых исторических условиях нет никакого шанса на возвращение. Если память может запутать чеховского героя, стать источником иллюзий и заблуждений, то для бунинского персонажа она является спасительной соломинкой в бушующем потоке времени.

Усадебные воспоминания транзитных героев Чехова порой весьма легковесны. В «Крыжовнике» обстановка дворянского дома окутает Алехина и Буркина в атмосферу праздности: «Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин. <...> они сидели в гостиной, где все – и люстра в чехле, и кресла, и ковры под ногами говорили, что здесь когда-то ходили, сидели, пили чай вот эти самые люди, которые глядели теперь из рам <...>» [Чехов 10: 65]. В рассказе Бунина «Несрочная весна» (1923) фигурирует похожий экфрасис. Герой-рассказчик делится с другом впечатлениями от посещения музея-усадьбы: «И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавицы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами!» [Бунин 5: 124]. Однако внимание бунинского странника к скульптурам и полотнам сопрягается отнюдь не с праздной эстети-

зацией дореволюционной эпохи, а экзистенциальной потребностью «уйти в “Элизей минувшего”» [Бунин 5: 126]. В прозе Бунина усадьба «пересоздается» благодаря воспоминанию и, даже будучи навсегда утраченной, предстает в качестве подлинной реальности, противопоставленной «чуждому» настоящему.

Чеховский нарратор повествует о героях в третьем лице, как бы со стороны «диагностируя» работу их памяти. Исключение составляет «Дом с мезонином», где рассказчик осуществляет «ревизию» собственным воспоминаниям. Но ее итог – забвение, если не желаемое, то закономерное. В произведениях Бунина, проблематизирующих мнемонический опыт, применяется перволичный нарратив. В «Жизни Арсеньева» (1927–1930) рассказчик словно напоминает самому себе о необходимости зафиксировать каждую подробность усадебного быта, замедляет ход повествования, чтобы не упустить ни одного нюанса. Вероятно, поэтому бунинский нарратив повсеместно снабжен двойной референцией – к излагаемым событиям и вместе с тем к процедуре их умственной реконструкции: «Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора на солнечном припеке <...>» [Бунин 6: 11]; «Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидел легкий и таинственный полусвет в комнате <...>» [Бунин 6: 15]; «Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легок, светел был под луной южный небосклон <...>» [Бунин 6: 25]; «Помню, был в Малиновом, доехал до Ливенской большой дороги...» [Бунин 6: 149] и т. д.

У Бунина усадебный универсум оказывается пространством не только личной, но и культурно-исторической памяти. Интересна в этом плане серия миниатюр, озаглавленная «Странствия» (1930) и описывающая путешествие героя-рассказчика по монастырям и усадьбам. Так же, как и в «Жизни Арсеньева», здесь разворачивается сюжет воображаемого возвращения в прошлое – но не персональное, а историческое, живущее в «странных глухих усадьбах» [Бунин 1998: 334], рассказах о «древней, мужицкой Руси» [Бунин 1998: 337], в «ликах святых, мужчин и женщин, списанных с членов одного древнего рода» [Бунин 1998: 345]. Выделенный аспект усадебной рефлексии Чеховым практически не затрагивается. Одно из немногих исключений – рассказ «В усадьбе» (1894). Но и здесь речь идет не о сохранении наследия предков или культурной самоидентификации индивида, а о вульгарном псевдоаристократизме, ложном чувстве собственной исключительности. Рашевич убежденно доказывает Мейеру, что «белая кость – не предрассудок, не бабья выдумка. Белая кость <...> имеет естественно-историческое оправдание» [Чехов 8: 333]. Свое умозаключение «дарвинист» подкрепляет ссылкой на исто-

рию: «Возьмите вы нашу матушку-Расею <...> Кто ее лучшие люди? Возьмите наших первоклассных художников, литераторов, композиторов... Кто они? Все это, дорогой мой, были представители белой кости. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой – не дьячковские дети-с!» [Чехов 8: 335]. Теория Рашевича опровергается фактами («Гончаров был купец» [Чехов 8: 335], – вставляет Мейер) и дискредитируется самой ситуацией общения: следовательно, терпеливо выслушивающий оскорбительный монолог собеседника, в конце концов не выдерживает и признается, что он «мещанин» и что его «отец был простым рабочим» [Чехов 8: 339], после чего спешно покидает жилище Павла Ильича. Произошедшее «недоразумение» усугубляется еще и тем фактом, что Рашевич планировал выдать за Мейера дочку Женю.

Чеховский герой прощается с усадебным миром; бунинский, наоборот, переживает встречу с ним. Суходол в одноименной повести (1911) – место с противоречивой и неоднозначной историей, на что обращает внимание рассказчик, пораженный откровениями Натальи: «А потом узнали мы о Суходоле нечто еще более странное: узнали, что проще, добрей суходольских господ “во всей вселенной не было”, но узнали и то, что не было и “горячее” их; узнали, что темен и сумрачен был старый суходольский дом <...>» [Бунин 3: 134]. Известно, что в усадьбе «дня не проходило без войны» [Бунин 3: 135]. При этом все обитатели Суходола испытывали к нему не вполне объяснимое «тяготенье» [Бунин 3: 136]. Так, «в нищете в избе обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человеческого лишил ее Суходол. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на все уговоры нашего отца, покинуть родное гнездо» [Бунин 3: 135–136]. Отец рассказчика «был беззаботный человек; для него, казалось, не существовало никаких привязанностей. Но глубокая грусть слышалась в его рассказах о Суходоле» [Бунин 3: 136]. Может показаться, что Бунин, вслед за Чеховым, изображает автохтонов, испытывающих ничем не оправданную, болезненную привязанность к усадьбе, а любопытство героя-рассказчика и его сестры к Суходолу, где они никогда не жили, вызвано нормальной склонностью любого человека (тем более ребенка) поэтизировать прошлое: «Для нас Суходол был только поэтическим памятником былого» [Бунин 3: 135]. Однако последующее изложение подробностей суходольского быта не приводит к разочарованию или к стремлению как можно скорее его забыть. Напротив, бунинский рассказчик обеспокоен ограниченностью памяти: «<...> не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов, что с каждым днем все труднее становится нам воображать даже то, что было пол-

века тому назад!» [Бунин 3: 185]. Память, согласно Бунину, призвана диалектически объединить хорошее и плохое, бесчеловечное и гуманное. По выражению П. Нора, «чем меньше память переживается внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в ощутимых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует» [Нора: 28–29]. Такой точкой опоры и выступает Суходол в неостановимом течении истории. Бунинская концепция «усадебной» памяти в определенном смысле идеалистичнее чеховской, отмеченной скептицизмом и недоверием к усадебному прошлому: если его и стоит помнить, то лишь затем чтобы в той или иной форме не вернуться к нему, не разбудить в себе самом отголосков архаики.

Бунин пересекает исторический рубеж, после которого мнемоническая привязанность к усадьбе мыслится не только безопасной, но и спасительной. В прозе Чехова она столь же ненадежна, как и прогностический взгляд в неопределенное «постусадебное» будущее, куда стремится Настя из рассказа «Невеста» и которого попросту не существует для бунинского героя-рассказчика. Рассмотренные в статье произведения позволили наметить примерные рамки художественной репрезентации «усадебной» памяти в творчестве писателей. Дальнейшие исследования в обозначенном направлении предусматривают широкое привлечение новых материалов (например, из драматургии Чехова или публицистического творчества Бунина), а также более нюансированное описание поэтики *усадебного текста*, окрашенного мнемоническим ореолом. Также открыта для проработки типология «мнемонических субъектов»: чеховские и бунинские тексты послужили отправной точкой для ее построения.

Список литературы

Источники

Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Под серпом и молотом. Сборник рассказов, воспоминаний, стихотворений. Лондон (Канада): Заря, 1975. 238 с.

Бунин И.А. О Чехове: незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. 415 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965–1967.

Бунин И.А. Странствия // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М.: Наследие, 1998. С. 331–347.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

Исследования

Атаманова Е.Т. Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998. 246 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с. (Классическая философская мысль).

Богданова О.А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 89–102.

Гейдеко В. А. Чехов и Ив. Бунин: монография. М.: Советский писатель, 1987. 368 с.

До Египто Т.М. Хронотоп уездной усадьбы в рассказе А.П. Чехова «Именины» // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 28–35 (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3). <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35>

Ермакова Н.А. Трансформация усадебного текста в прозе А.П. Чехова второй половины 1890-х («Дом с мезонином» и «Новая дача») // Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание: мат. 59-й Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. С. 25–26.

Жаплова Т.М., Куцуева Е.А. Аксессуары детали как средство поэтизации усадебного быта в романе А.П. Чехова «Драма на охоте» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2005. № 2. С. 27–30.

Жильцова Е.А. А.П. Чехов в творческом восприятии И.А. Бунина и М.А. Алданова // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 13. С. 86–90.

Журавлева А.А. Феномен памяти в художественном творчестве А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 25 с.

Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А. А.П. Чехов и И.А. Бунин: из истории диалога // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 2 (26). С. 148–160.

Лакишин В.Я. Чехов и Бунин – последняя встреча // Лакишин В.Я. Пять великих имен: статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1988. 423–451 с.

Лахманн Р. Семиотическое несчастье мнемониста // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту: Тартуский университет, 1992. С. 10–18.

Малкина В.Я. Память как история и воображение: литература и не только // Память как история и воображение: коллективная монография / сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 9–19.

Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870–1953. [М.]: Посев, 1994. 432 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др. / пер. с фр. Дины Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Полоцкая Э.А. Чехов в художественном развитии Бунина. (1890–1910-е гг.) // Литературное наследство. Т. 84; Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 66–89.

Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, №. 4. С. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193>

Пращерук Н.В. «Гетеротопия усадьбы» в прозе И.А. Бунина: от первой повести к роману «Жизнь Арсеньева» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 131–149. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-131-149>

Пырков И.В. Между колонной и тумбой. К вопросу о метаморфозах усадебных символов в драме А.П. Чехова «Три сестры» // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 20–28.

Синякова Л.Н. Топика «дом-антидом» в прозе А.П. Чехова 1890-х годов // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI веков: литература, живопись, кинематограф: монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2021. С. 15–27 (Универсалии культуры. Вып. XI).

Строганов М.В. Неодолимость пространства: усадьба в драматургии А.П. Чехова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 218–227. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3) <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-273-282>

References

Atamanova E.T. *Russkaia literatura XIX veka v kontekste khudozhestvennoi prozy I. A. Bunina: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Literature of the 19th Century in the Context of I.A. Bunin's Artistic Prose: PhD thesis]. Elets, 1998, 246 p. (In Russ.)

Bergson A. *Tvorcheskaia evoliutsiia. Materiia i pamiat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 1408 p. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Russkaia literaturnaia usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskii aspekt issledovaniia* [The Russian Literary Estate of the 19th–20th Centuries: Theoretical Aspect of Research]. *Mundo Eslavo*, 2020, no. 19, pp. 89–102. (In Russ.)

Geideko V.A. *Chekhov i Iv. Bunin: monografiia* [Chekhov and I. Bunin: A Monograph]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 368 p. (In Russ.)

Do Egito T.M. *Khronotop ueznoi usad'by v rasskaze A.P. Chekhova "Imeniny"* [The Chronotope of the Provincial Estate in A.P. Chekhov's Story "The Name-Day Party"]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by:*

ot Chekhova do Sorokina+ [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+], comp., ed. in chief and pref. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 28–35. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35>. (In Russ.)

Ermakova N.A. *Transformatsiia usadbnogo teksta v proze A.P. Chekhova vtoroi poloviny 1890-kh ("Dom s mezoninom" i "Novaia dacha")* [Transformation of the Estate Text in A.P. Chekhov's Prose of the Second Half of the 1890s ("The House with the Mezzanine" and "The New Dach")]. *Literaturovedenie. Prikladnaia lingvistika. Iazykoznanie: materialy 59-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii* [Literary Studies. Applied Linguistics. Linguistics: Proceedings of the 59th International Scientific Student Conference]. Novosibirsk, Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021, pp. 25–26. (In Russ.)

Zhaplova T.M., Kutsueva E.A. *Aksessuarnye detali kak sredstvo poetizatsii usadbnogo byta v romane A.P. Chekhova "Drama na okhote"* [Accessory Details as a Means of Poeticizing Estate Life in A.P. Chekhov's Novel "The Shooting Party"]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University], 2005, no. 2, pp. 27–30. (In Russ.)

Zhil'tsova E.A. *A.P. Chekhov v tvorchestvom vospriiatii I.A. Bunina i M.A. Aldanova* [A.P. Chekhov in the Creative Perception of I.A. Bunin and M.A. Aldanov]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State Pedagogical University. Series: Social Sciences and Humanities, Psychological and Pedagogical Sciences], 2011, no. 13, pp. 86–90. (In Russ.)

Zhuravleva A.A. *Fenomen pamiati v khudozhestvennom tvorchestve A.P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Phenomenon of Memory in A.P. Chekhov's Artistic Work: PhD thesis abstract]. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.)

Kulabukhova M.A., Kulabukhov D.A. *A.P. Chekhov i I.A. Bunin: iz istorii dialoga* [A.P. Chekhov and I.A. Bunin: From the History of Dialogue]. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture], 2020, no. 2 (26), pp. 148–160. (In Russ.)

Lakhmann R. *Semioticheskoe neschast'ie mnemonista* [The Semiotic Unhappiness of the Mnemonist]. *Sbornik statei k 70-letiiu prof. Iu.M. Lotmana* [Collection of Articles for the 70th Anniversary of Prof. Yu.M. Lotman]. Tartu, Tartuskii universitet Publ., 1992, pp. 10–18 (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Chekhov i Bunin – posledniaia vstrecha* [Chekhov and Bunin – The Last Meeting]. Lakshin V. Ia. *Piat' velikikh imen: Stat'i, issledovaniia, esse* [Five Great Names: Articles, Studies, Essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 423–451. (In Russ.)

Mal'tsev Iu.V. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870–1953]. [Moscow], Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.)

Malkina V.Ia. *Pamiat' kak istoriia i voobrazhenie: literatura i ne tol'ko* [Memory as History and Imagination: Literature and Beyond]. *Pamiat' kak istoriia i voobrazhenie: kollektivnaia monografiia* [Memory as History and Imagination: Collective Monograph], comp. and ed. by V.Ia. Malkina, A.V. Korchinskii, S.P. Lavlinskii. Moscow, Editus Publ., 2023, pp. 9–19. (In Russ.)

Nora P. *Problematika mest pamiaty* [The Issue of Lieux de Mémoire]. *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory], P. Nora, M. Ozuf, Zh. De Piuimezh i dr.; transl. from French by Dina Khapaeva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russ.)

Polotskaia E.A. *Chekhov v khudozhestvennom razvitii Bunina. (1890-e–1910-e gg.)* [Chekhov in Bunin's Artistic Development (1890s–1910s)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 84: Bunin. Book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 66–89. (In Russ.)

Ponomarev E.R. *Zhanrovyi genezis i siuzhetologiya rannei prozy I.A. Bunina* [Genre Genesis and Plotology of I.A. Bunin's Early Prose]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 4, pp. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193> (In Russ.)

Prashcheruk N.V. *“Geterotopiia usad'by” v proze I.A. Bunina: ot pervoi povesti k romanu “Zhizn' Arsen'eva”* [“Heterotopy of the Estate” in I.A. Bunin's Prose: From the First Tale to the Novel “The Life of Arseniev”]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obretneniia: kollektivnaia monografiia* [Estate and Dachas in Soviet-Era Literature: Losses and Gains: Collective Monograph], comp. by O.A. Bogdanova; ed. by

V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 131–149. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-131-149> (In Russ.)

Pyrkov I.V. *Mezhdu kolonnoi i tumboi. K voprosu o metamorfozakh usadebnykh simvolov v drame A.P. Chekhova “Tri sestry”* [Between the Column and the Stool. On the Metamorphosis of Estate Symbols in A.P. Chekhov's Drama “Three Sisters”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia* [Philology: Scientific Research], 2017, no. 2, pp. 20–28. (In Russ.)

Siniakova L.N. *Topika “dom-antidom” v proze A.P. Chekhova 1890-kh godov* [The Topic “Home-Anti-Home” in A.P. Chekhov's Prose of the 1890s]. *Utopicheskii diskurs v russkoi kul'ture kontsa XIX–XXI vekov: literatura, zhivopis', kinematograf: monografiia* [Utopian Discourse in Russian Culture of the late 19th–21st Centuries: Literature, Painting, Cinema: Monograph], ed. by N.V. Kovtun. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 15–27. (In Russ.)

Stroganov M.V. *Neodolimost' prostranstva: usad'ba v dramaturgii A.P. Chekhova* [The Inevitability of Space: The Estate in A.P. Chekhov's Dramaturgy]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokin+*: kollektivnaia monografiia [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+], comp., ed. and pref. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 218–227. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-273-282> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 04.08.2025.